

УДК 343

*Т.В. Решетнева***О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Заявленная в статье проблема обусловлена тем, что вопросы, связанные с соотношением положений международных договоров и норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, приобрели актуальность в связи с конституционной реформой, осуществленной в 2020 году, что и потребовало приведения текущего законодательства, в том числе и уголовно-процессуального, в соответствие с конституционными положениями. В статье рассматриваются нормативные положения, определяющие соотношение международных договоров и норм УПК РФ: принцип приоритета международных договоров РФ над нормами УПК РФ; принцип недопущения применения в уголовном судопроизводстве международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Актуальность приобретают вопросы о видах международных договоров, о том, каким образом осуществляются фиксация результатов толкования международного договора и установление противоречия результатов такого толкования положениям российской Конституции.

Ключевые слова: международные договоры, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, ратификация международного договора, толкование международных договоров, защитный механизм.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-2-298-304

В современном мире особую роль и значимость приобретают международные договоры и не только при осуществлении регулятивного воздействия на международные отношения и на часть внутригосударственных, которые ранее рассматривались исключительно или преимущественно в качестве предметов внутригосударственного правового регулирования, а в настоящее время выступают в качестве области совместного международного и внутригосударственного правового регулирования. Не являются исключением и уголовно-процессуальные отношения, на которые правовое регулятивное воздействие оказывают не только уголовно-процессуальные нормы, но и международные договорные нормы. Международные договоры выступают формой многостороннего сотрудничества, прежде всего государств, благодаря которой развиваются и расширяются международные связи, осуществляется унификация поведения субъектов международного права, обеспечивается единообразие в выполнении государствами-участниками юридически значимых действий, а нормы международных договоров составляют основной массив норм современного международного права. Фундаментальные положения, определяющие роль и значение международных договоров для российского государства, содержатся в преамбуле Федерального закона Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации», в которой подчеркивается, что, благодаря международным договорам, в российской правовой системе обеспечивается защита прав и свобод человека, законные интересы государства. Помимо этого, за международными договорами российское законодательство признает функцию стабилизации международного правопорядка и межгосударственных отношений с участием России и других государств. На законодательном уровне провозглашается обязанность российского государства по неукоснительному соблюдению международных договорных и обычных норм [1]. Необходимо иметь в виду, что международное [2; подп. «а» п. 1 ст. 8] и национальное [1; п. 2 ст. 1] право исходят из того, что наименование международного договора юридического значения не имеет, поэтому международный договор может именоваться по-разному: договор, соглашение, конвенция, пакт, обмен нотами, хартия, а также иметь другое наименование.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет круг тех вопросов, по которым Россией могут быть заключены международные договоры. Ряд норм УПК РФ изложен бланкетным способом, отсылая при осуществлении некоторых процессуальных действий к международным договорным нормам по вопросам:

– производства по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления, осуществляемого не в соответствии с УПК РФ, если международным договором Российской Федерации установлено иное [3; ч. 1 ст. 2];

– внесения запроса (следователем, дознавателем) о производстве соответствующих процессуальных действий компетентным органом или должностным лицом иностранного государства, если

имеются сведения, что имущество подозреваемого, обвиняемого, на которое могут быть наложены меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий, находится за пределами России на территории иностранного государства [3; ч. 2 ст. 160];

– оформления запроса о производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ [3; ч. 1 ст. 453];

– признания юридической силы доказательств, полученных на территории иностранного государства в ходе исполнения его должностными лицами поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам [3; ст. 455];

– условий передачи или отказа в ней лица, находящегося под стражей на территории иностранного государства, вызываемого в порядке, установленном ст. 456 УПК РФ, при условии, что это лицо временно передается на территорию Российской Федерации компетентным органом или должностным лицом иностранного государства для совершения действий, указанных в запросе о вызове [3; ч. 5 ст. 456];

– исполнения судом, прокурором, следователем, руководителем следственного органа переданных им в установленном порядке запросов о производстве процессуальных действий, поступивших от соответствующих компетентных органов и должностных лиц иностранных государств [3; ч. 1 ст. 457];

– исполнения запроса о производстве процессуальных действий, требующих присутствия представителей иностранного государства [3; ч. 3 ст. 457];

– направления запроса иностранному государству о выдаче лица, находящегося на территории этого государства, для уголовного преследования или исполнения приговора [3; ч. 1 ст. 460];

– исполнения запроса о выдаче лица, находящегося на территории Российской Федерации, иностранному государству для уголовного преследования или исполнения приговора за деяния, которые являются уголовно наказуемыми по уголовному закону Российской Федерации и законам иностранного государства, направившего запрос о выдаче лица [3; ч. 1 ст. 462];

– получения разрешения иностранному государству по представленному запросу осуществить транзитную перевозку по территории Российской Федерации лица, выданного третьим государством для уголовного преследования или исполнения приговора [3; ч. 1 ст. 462.1];

– проверки судом соответствия решения о выдаче лица [3; ч. 6 ст. 463];

– отказа в выдаче лица, если имеется вступившее в законную силу решение российского суда о наличии препятствий для выдачи данного лица [3; п. 5 ч. 1 ст. 464];

– оснований передачи лица, осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является [3; ст. 469];

– оснований отказа в передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является [3; ст. 471];

– оснований отказа в признании приговора суда иностранного государства [3; ст. 472];

– признания и принудительного исполнения приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем [3; ст. 473.1];

– документов, прилагаемых к запросу о признании и принудительном исполнении приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем [3; ч. 3 ст. 473.2];

– оснований для отказа в признании и принудительном исполнении приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем [3; пп. 1, 8 ст. 473.5].

Из представленного обзора можно заключить, что большинство предписаний УПК РФ, которые содержат отсылку к международным договорам, непосредственно связаны с осуществлением процессуальных действий по оказанию правовой помощи по уголовным делам, определенными в ч. 5 УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства». Соответствующие процессуальные вопросы получают разрешение в договорах (как многосторонних, так и двусторонних), касающихся выдачи, передачи осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания в государстве-гражданства, правовой помощи по уголовным делам, борьбы с отдельными видами преступлений, составляющих основной массив международных договоров в данной сфере. В настоящее время для Российской Федерации юридически обязательный характер имеют более 90 двусто-

ронних международных договоров и более 20 многосторонних международных договоров, в которых непосредственно разрешаются обозначенные выше уголовно-процессуальные вопросы [4]. Кроме того, необходимо иметь в виду, что разрешаемые по правилам УПК РФ процессуальные действия должны базироваться на международных стандартах прав человека, которые содержатся как в универсальных международных договорах, например, в Международном Пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), так и в региональных – в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и в ряде других. При этом необходимо учитывать, что часть международных стандартов прав человека получает свое закрепление в иных официальных международных документах: Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.), и др., которые, во-первых, не имеют статуса международного договора, а во-вторых, не обладают для государств юридически обязательным характером. Поэтому если они и воплощаются государством в правоприменительной и иной юридической практике, то исключительно по инициативе самого государства.

Основополагающие начала о соотношении норм международных договоров и норм УПК РФ закреплены в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации и ч. 3 ст. 1 УПК РФ, которые: 1) включают общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в правовую систему России (по УПК РФ – являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство); 2) устанавливают приоритет положений международных договоров Российской Федерации над законами [5. С. 99], в том числе УПК РФ. В 2020 г. в российском законодательстве произошли существенные изменения, касающиеся применения международных договоров Российской Федерации. В российском законодательстве появилась норма следующего содержания: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [6; ст. 79]. Статья 5 Федерального закона Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации», определяющая положение международных договоров Российской Федерации в правовой системе Российской Федерации, была дополнена нормой [2; ч. 4 ст. 5], текстуально воспроизводящей норму, закрепленную в ст. 79 российской Конституции. Согласно Конституции Российской Федерации, «...вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации...» [6; подп. «б» ч. 5.1 ст. 125; см. также: 2; ч. 1 ст. 34] решает Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, определенном гл. XIII.1 Федерального конституционного закона Российской Федерации «О Конституционном Суде Российской Федерации». С учетом произведенных изменений ч. 3 ст. 1 УПК РФ была дополнена нормой, не позволяющей применение в Российской Федерации правил международного договора в их истолковании, противоречащем российской Конституции. Исходя из представленных правовых предписаний можно установить, что соотношение норм международных договоров и норм УПК РФ базируется на принципах преимущественной юридической силы международных договоров Российской Федерации по отношению к нормам УПК РФ; недопущения применения в уголовном судопроизводстве международных договоров в их истолковании, противоречащем российской Конституции.

При исследовании вопроса о приоритете (преимущественной юридической силе) международных договоров Российской Федерации над нормами УПК РФ необходимо иметь в виду, что «приоритет перед российским уголовно-процессуальным законом имеют далеко не все международные договоры и не во всех случаях» [7. С. 7]. Как известно договоры в зависимости от их уровня можно подразделить на межгосударственные, межправительственные, межведомственные. В соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации» под межгосударственными договорами понимают международные договоры Российской Федерации, которые заключаются с иностранными государствами, а также с международными организациями и иными образованиями от имени Российской Федерации, межправительственные – это международные договоры, заключаемые от имени Правительства Российской Федерации, межведомственные – это договоры, заключаемые от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций. Выделенные договоры имплементируются (включаются) в правовую систему России разными

способами выражения согласия на их обязательность (например, через подписание международного договора уполномоченными субъектами, ратификацию, утверждение международного договора, присоединение к международному договору и др. [1; ст. 6]). УПК РФ по своей правовой природе является федеральным законом, поэтому приоритетом над его положениями обладают лишь нормы тех международных договоров, которые включены в правовую систему через принятие соответствующего федерального закона. По законодательству Российской Федерации, ратификация как способ выражения согласия на обязательность международного договора связана с принятием федерального закона [6; ст. 106]. Согласно ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ратификации подлежат лишь те международные договоры Российской Федерации, «исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом» (п. «а» ч. 1); международные договоры Российской Федерации «предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина» (п. «б» ч. 1); «международные договоры Российской Федерации, при заключении которых стороны условились о последующей ратификации» (ч. 2). Например, ст. 20 Договора между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (2009г.) в качестве способа называет ратификацию договора. Впоследствии «на основании федерального закона о ратификации международного договора Российской Федерации Президентом Российской Федерации подписывается ратификационная грамота, которая скрепляется его печатью и подписью министра иностранных дел Российской Федерации» [1; ст. 18]. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор [8; ч. 2, п. 8]. Необходимо иметь в виду, что ряд положений, касающихся уголовно-процессуальной сферы, как ранее было отмечено, может содержаться в международных документах официального характера, исходящих от международных органов (Генеральная Ассамблея ООН, ЭКОСОС ООН), созданных в рамках международных межправительственных организаций, но носящих рекомендательный характер, не являющихся по своей природе международными договорами. И в этом случае исключается постановка вопроса о соотношении положений указанных международных документов и норм УПК РФ. Поэтому преимущественная сила «при коллизиях в случаях, если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные УПК РФ, может отдаваться лишь ратифицированным международным договорам» [7. С. 7]. Таким образом, «международный договор Российской Федерации, прошедший ратификацию, ... по статусу выше подзаконных актов федерального уровня, а также международных договоров, не прошедших ратификацию. Кроме того, такой договор имеет приоритет и перед всеми законами и иными правовыми актами субъектов Российской Федерации» [7. С. 8]. В отношении определения момента начала действия для России международного договора следует исходить из того, что вступление в силу федерального закона о ратификации международного договора не означает, что непосредственно с момента вступления такого закона в силу устанавливается приоритет международного договора над нормами УПК РФ. Необходимо учитывать следующее: 1) вступил ли международный договор, который ратифицировала Российская Федерация в юридическую силу; 2) как определяется момент вступления международного договора в силу; 3) с какого момента международный договор, который ратифицировала Россия, вступает для нее в юридическую силу. Отмеченное наглядно можно проиллюстрировать некоторыми примерами: ст. 38 (п. 1) Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (от 15.11.2000г.) устанавливает, что она вступает в силу на «...девяностый день после даты сдачи на хранение сороковой ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении...». Данная конвенция вступила в силу 29.09.2003. При этом на основании п. 2 ст. 38 Конвенции «для каждого государства или региональной организации экономической интеграции, которые ратифицируют, принимают или утверждают настоящую Конвенцию или присоединяются к ней после сдачи на хранение сороковой ратификационной грамоты или документа о таком действии, настоящая Конвенция вступает в силу на тридцатый день после даты сдачи на хранение таким государством или организацией соответствующей грамоты или документа». Российская Федерация ратифицировала конвенцию Федеральным законом от 26.04.2004 № 26-ФЗ, вступившем в силу 29.04.2004. Из вышеприведенного видно, что Российская Федерация ратифицировала уже вступившую в юридическую силу Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (2000г.), поэтому для Российской Федерации вступление конвенции в силу осуществляется по прави-

лам п. 2 ст. 38 данной Конвенции. Момент вступления в силу международного договора может определяться по-другому, например, по истечении 30 дней после обмена ратификационными грамотами [9; ст. 79], непосредственно в день обмена ратификационными грамотами [10; ч. 3 ст. 80] и по иным правилам, согласованным сторонами договора. Ратифицированный Россией международный договор, вступивший для нее в силу, подлежит официальному опубликованию в Собрании законодательства Российской Федерации, «в Бюллетене международных договоров и размещается (опубликовывается) на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) [1; ст. 30]». Необходимо иметь в виду, что положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, которые не требуют издания внутрисударственных актов для их применения, действуют в Российской Федерации непосредственно [1; ч. 3 ст. 5]. В том случае если международный договор требует внесения корректив в законодательство Российской Федерации, он будет применяться только после принятия соответствующего внутрисударственного правового акта [1; ч. 3 ст. 5].

Как известно, международный договор – это акт согласования воли нескольких государств, которые могут принадлежать к различным политико-правовым системам, придерживаться различных правовых ценностей. Кроме того, международный договор может содержать нечеткие, неопределенные положения, может быть составлен на двух и более языках. Отмеченные обстоятельства могут вызвать трудности в понимании положений международного договора его участниками. В этом случае государства-участники прибегают к международным средствам толкования международных договоров. Это могут быть, например, переговоры, консультации государств-участников, обращение к специальным субъектам – международным органам, в том числе, международным судебным учреждениям. Например, в двусторонних договорах Российской Федерации с иностранными государствами, в которых непосредственно разрешаются уголовно-процессуальные вопросы устанавливается, что все разногласия, возникающие при толковании и применении договора, решаются: а) путем консультаций [10; ч. 2 ст. 80]; б) путем консультаций между компетентными органами государств или по дипломатическим каналам [11; ст. 16]; в) путем консультаций и переговоров центральных органов государств [12; ст. 18, см. также: 13; ст. 18]; г) путем консультаций центральных органов государств, путем дипломатических переговоров [14]. В международных договорах могут быть определены одновременно несколько международно-правовых средств, к которым государства могут обращаться в случае возникновения спора между ними относительно толкования и применения положений договора. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000г.) устанавливает следующее: государства-участники могут обратиться к переговорам [15; п. 1 ст. 35] в случае, если в течение разумного периода времени спор не удастся разрешить путем переговоров, то он передается по просьбе одного из этих государств-участников на арбитражное разбирательство [15; п. 2 ст. 35], а в случае «если в течение шести месяцев со дня обращения с просьбой об арбитраже эти государства-участники не смогут договориться о его организации, любое из этих государств-участников может передать спор в Международный Суд» ООН [15; п. 2 ст. 35]. При этом Конвенция разрешает государствам-участникам заявить оговорку относительно неприменения к ним нормы об арбитражном разбирательстве и передаче спора в Международный Суд ООН [15; п. 3 ст. 35]. Международный договор может предусмотреть в качестве единственного средства международное судебное разбирательство, к которому государства должны обращаться по делам, касающимся толкования и применения договора, что и закреплено в ст. 45 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950г.) в отношении обращения к такому международному средству, как разбирательство в Европейском суде по правам человека. На основании ст. 62 указанной конвенции государства-участники взяли на себя обязательство не прибегать к иным средствам урегулирования, кроме тех, что предусмотрены Конвенцией (кроме случаев особого соглашения об ином). Когда государства, в случае спора между ними относительно толкования и применения международного договора, в качестве средства используют обращение к какому-либо международному органу, например, к международному судебному органу – Международному Суду ООН, Европейскому суду по правам человека, возникает вопрос о юридической обязательности решения соответствующего международного органа. Согласно Статуту Международного Суда ООН, решения Международного Суда ООН по своей правовой природе являются окончательными, не подлежащими обжалованию [16; ст. 60], юридически обязательными для участвующих в деле сторон [16; ст. 59]. При этом в случае возникновения спора между государствами относительно смысла, объема решения Международного Суда ООН, толкование решения по требованию любого государства-стороны в споре осуществляет сам Международный

Суд ООН [16; ст. 60]. Юридической обязательностью для государств обладают также решения Европейского суда по правам человека [17; ч. 1 ст. 46]. Для Российской Федерации решения Международного Суда ООН и Европейского суда по правам человека являются юридически обязательными.

Россия взяла на себя обязательства по признанию за решениями международных судебных органов юридически обязательного характера, но с некоторыми оговорками, начало которым было положено еще в 2015 г. В 2020 г. вступил в действие новый национальный защитный механизм, не допускающий применение в Российской Федерации решений международных (межгосударственных) органов, которые были приняты на основании положений международных договоров, истолкованных международным органом таким образом, что результат толкования стал несовместим с положениями российской Конституции (иными словами, международные обязательства России в свете осуществленной интерпретации стали противоречить Конституции). [6; см.: подп. «б» ч. 5.1 ст. 125]. Введенный Россией защитный механизм вызывает дискуссии в научных кругах, в среде юристов-практиков, как в России, так и за ее пределами. Не исследуя все «за» и «против» относительно новелл, отметим, что обращение к данному защитному механизму будет, скорее, крайней, исключительной мерой. Подтверждением тому служит ранее существовавший механизм, позволявший не исполнять в России (полностью или частично) решения межгосударственного органа по правам человека, в случае если Конституционный Суд России установит невозможность их исполнения в силу противоречия положениям российской Конституции, к которому Россия прибегала в 2016 г. по делу Анчугова и Гладкова и в 2017 г. по делу ОАО «Нефтяная компания ЮКОС». Россия, как и прежде, выступает за соблюдение и добросовестное выполнение международных обязательств в рамках заключенных и действующих для нее международных договоров. В том случае, когда государства не обращаются к какому-либо третьему субъекту – не стороне договора с просьбой осуществить официальное толкование положений международного договора (что проиллюстрировано было выше на примере двусторонних договоров), а самостоятельно устанавливают смысл международного договора в рамках переговоров и консультаций, исключается возможность истолкования положений данных договоров в противоречии с нормами российской Конституции.

В заключение отметим, что соотношение международных договоров и норм УПК РФ можно представить в виде формулы: ратифицированные Российской Федерацией, официально опубликованные и вступившие для нее в юридическую силу международные договоры, в отношении которых Конституционным Судом Российской Федерации не был установлен факт противоречия их истолкования, осуществленного международным органом российской Конституции как часть уголовно-процессуального законодательства, обладают приоритетом над нормами УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон Российской Федерации от 15.07.1995 № 101-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации».
2. Венская конвенция о праве международных договоров (1969 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020).
4. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh/>
5. Решетнева Т.В. Экстрадиция полипатридов (проблемы теории и практики) / под науч. ред. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитформ, 2010.
6. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. №2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ).
7. Теоретические и практические проблемы оказания международной правовой помощи по уголовным делам: учебное пособие / А.Г. Калугин, Д.В. Шинкевич. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2007.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров». Ч. 2 п. 8.
9. Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (1992 г.).
10. Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (1999г., ред. от 12.09.2002).
11. Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (2009 г.).

13. Договор между Российской Федерацией и Республикой Индия о передаче лиц, осужденных к лишению свободы (21.10.2013).
14. Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (2014 г.).
15. Договор между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (2014 г.).
16. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.).
17. Статут Международного Суда ООН (1945 г.).
18. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.).

Поступила в редакцию 11.02.2021

Решетнева Татьяна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: reshetnevat@mail.ru

T.V. Reshetneva

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL TREATIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE NORMS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-2-298-304

Stated in the article, the problem is that the issues related to the ratio of the provisions of international treaties and norms of the Criminal procedure code of the Russian Federation (further – the code) has become topical in connection with the constitutional reform carried out in 2020, and was required to bring the current legislation, including criminal procedure, in accordance with the constitutional provisions. The article discusses the regulations that define the relationship of international treaties and norms of code of criminal procedure: the principle of priority of international treaties of the Russian Federation on the rules of criminal procedure; the principle of non-use in criminal proceedings of international treaties in their interpretation, contrary to the Constitution of the Russian Federation. Questions about the types of international treaties, how the results of the interpretation of an international treaty are recorded and how the results of such an interpretation contradict the provisions of the Russian Constitution become relevant.

Keywords: international treaties, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, ratification of an international treaty, interpretation of international treaties, protective mechanism.

Received 11.02.2021

Reshetneva T.V., Candidate of Law, Associate Professor at Department of Theory and History of State and Law Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: reshetnevat@mail.ru